

КИНО

I

КИНО И НАРОД

(Речь на первом учредительном собрании Национального кинематографического общества, в Капитолии, 26 февраля 1928 года)

Уважаемые дамы и господа!

Сегодня вам покажут или, вернее, должны были показать кинообозрение, какое вам, вероятно, не часто приходилось видеть. Вполне возможно даже, что вы вообще никогда не видели подобного обозрения; и не потому, что оно превосходит другие своими достоинствами, нет — оно просто не так односторонне. К несчастью, нам запретили его демонстрировать.

В этом обозрении, которое вы все-таки увидите, как только обстоятельства изменятся, факты и события изображены с разных сторон, или по крайней мере с двух, наиболее интересных сторон — справа и слева. Можно даже сказать — с лица и с изнанки. А только при таком освещении события становятся интересными.

Как выглядит мир в официальных речах и что за ними скрыто в действительности? Что прячется по соседству с парадной шумихой чествований, непомерно восхваляемой экзотикой и роскошными автомобилями, выставленными напоказ?

Отвечая на эти вопросы, придется высказать несколько, на первый взгляд, странных, но, безусловно,

правильных мыслей, хотя многие стараются от них отмахнуться.

В обычных кинообозрениях нам часто показывают индийские храмы: конечно, они стоят на земле уже не первый год. А показали нам хоть раз значительно более поздние сооружения — например, Руммельсбургскую электростанцию? А если и показали, то опять-таки только фасад — Руммельсбург в блеске и глянце, в его национальном и мировом значении, в его влиянии на немецкое хозяйство и технику.

А ведь за всем этим скрывается другой Руммельсбург — Руммельсбург рабочих. Настало время его показать. Настало время отбросить всякую парадность и вывести на свет живых людей с их чувствами и характерами, с их требованием правды, настоящий труд, настоящую нужду. И отразить все это надо не только в хроникальных, но и в полнометражных художественных фильмах.

Начало уже положено. Кое-кто уже пытается снимать настоящую жизнь, но пока не глубоко, пока столь же поверхностно, как привыкли снимать «высший» парадный свет. Разница только в том, что к зрелищу парадного света привыкли. Все известно наперед, но люди продолжают смотреть такие кинофильмы, хотя они давно всем наскучили, и каждый хотел бы увидеть что-нибудь новое. Но скучное необычайно навязчиво. Скучное подчас даже становится злом, ведь скука парализует возражения. Зрители скорее, не говоря ни слова, перестанут ходить в кино, чем начнут возражать против скучных фильмов.

Кинодеятели часто жалуются, что «образованные» люди плохо относятся к кино. Но так называемые образованные или, вернее, требовательные к искусству люди первые пресытились современными фильмами. Недалек тот день, когда за ними последуют и другие, менее требовательные. Не следует, конечно, забывать об очень редких у нас хороших и нужных фильмах. Мы не хотим преуменьшать их достоинств, но, к сожалению, таких фильмов слишком мало.

Давно назрела необходимость в создании народного киноискусства, так как в народе уже накопилось

возмущение. Если созданное ныне Национальное кинематографическое общество еще не может похвастать особыми заслугами, то одно важное дело уже сделано: народ увидел, как невыносима скука обычных кинопрограмм. Многие понимали это и раньше, но одни не доверяли собственным впечатлениям, другие из добродушия не высказывали своих взглядов.

Само наше сегодняшнее собрание является доказательством того, что дальше так продолжаться не может. В прежних наших фильмах нет ни ума, ни вкуса. В головах людей, изготавливающих эти фильмы, исправно действуют клапаны трусости, заставляющие их бояться действительности: изображаемый ими мир односторонен, сюжет и развитие действия по-детски надуманны, не соответствуют жизненной правде. Фильмы и навеваемые ими мысли отвлекают народ от насущных задач его существования, уводят в сторону, вместо того чтобы указать правильный путь, объяснить стоящие перед ними задачи, помочь в их осуществлении.

Большая часть таких фильмов создается бессознательно, в силу недопонимания истинных целей кино. Но нередко, и это гораздо опаснее, кино пускает пыль в глаза народу, помогая тем, кто стремится обмануть народ. Прошли те времена, когда можно было просто приказать людям: «Такова ваша жизнь, не смейте и помышлять о другой». Теперь народ приходится обманывать. Приходится изображать жизнь в виде сплошного праздника, возвеличивать отдельных героев, предоставляя остальному стаду копошиться в пыли. Приходится вытаскивать на свет исторические традиции. Приходится за неимением живых королей возбуждать восхищение и преклонение перед мертвыми. Приходится играть нежные мелодии на романтических струнах народной души. Приходится устраивать народу зрелища.

А надо сознаться, что народ любит зрелища. Да и может ли быть иначе? Ведь народ не хочет скучать. И если уж образованные люди грешат против совести и смотрят фальшивые фильмы, то простой народ не скоро разберется: он продолжает верить в высокие,

вдохновляющие идеалы, с удовольствием смотрит картины, воплощающие их, даже если ему разъясняют, что его идеалы поддельны.

А мало разве высоких, вдохновляющих примеров в повседневной жизни? Но люди проходят мимо, не замечая их, а те, кто должен был бы указать на них народу, не делают этого. В фильмах изображают идеализированное прошлое, взывая к чувствам зрителей, воодушевляя их великими картинами минувшего, учат предпочитать прошлое настоящему. Какая фальсификация народных чувств! А народ не понимает, как ужасно было бы, если бы прошлое вдруг воскресло!

Задача кино разъяснить, что возвышенное и вдохновляющее — это не монарх, царствовавший когда-то. Это собственные силы народа, слитые воедино, и то, что он этими силами созидает. Кино призвано показать, что и в наши дни есть романтика, подвиги, приключения. Молодые люди, участники Моабитского процесса, могли бы сложить о нем песню. Недопустимо изображать в кино героические подвиги отдельных участников прошлых войн на фоне разрушений и ужасов, причиненных этими войнами, не объясняя одновременно закулисных причин, вызывающих войну. Грядущая война будет еще страшнее. И вместо восхваления геройских поступков полезнее показать ненасытную жажду наживы, обуревающую тех, кто подготавливает войны.

Но никто не разъясняет этого народу, и меньше всех кино. Поэтому народ и не думает о подобных вещах. Люди как бы отделили жирной чертой кино от своего реального существования: по одну сторону черты — человек, рабочий, избиратель, читатель газет, по другую — кино, не имеющее со всем этим ничего общего. Пока зритель сидит в кино, он верит в Потсдам и Гейдельберг, забывая о Берлине и Рурской области.

Такое положение нетерпимо — вот над чем следует призадуматься. Да и как долго может оно существовать? Настанет день, когда обветшают самые прекрасные, но лживые идеалы, развеется самая слад-

кая романтика, и люди увидят, какова подлинная жизнь.

Неразумные политики хотят во что бы то ни стало навязать нашей кинопромышленности националистические фильмы с отсталыми идеями, чуждыми большинству зрителей. Нет сомнения в том, что у многих зрителей есть свои слабые стороны. Но нельзя ко всем без разбора подходить с общей меркой, нельзя всем вбивать в голову нелепые националистические идеи. Нельзя рассуждать так: «Монополия! Все закуплено! Выпускаются только националистические фильмы! Зрителю нужно что-то смотреть, пусть смотрит фильмы, которые мы выпустим». Подобные меры вызовут крайнее возмущение. В отместку люди перестанут посещать кино. А что произойдет, когда фильмы о князьях, войнах, рыцарских подвигах выйдут из моды? Не поздно ли будет тогда говорить о создании других картин?

Наше Национальное кинематографическое общество не ставит перед собой задачи бороться против содержания фильмов. Со временем их социальный характер изменится сам собой. Общество хочет помочь киноискусству найти общий язык с новыми веяниями, все шире распространяющимися в мире. Ведь рано или поздно все равно придется прислушаться к ним. Конечно, в наши дни перед деятелями кино стоит нелегкая задача. Вкус зрителей в достаточной мере испорчен виденными ранее фильмами.

Общество должно поднять киноискусство на более высокую ступень, возвести его до уровня современной жизни, наладить связь кино с народом, вернуть зрителей, сбжавших от современных фильмов.

Сегодня вы увидите русский художественный фильм. Но мы надеемся, что в самом скором времени у нас появятся настоящие немецкие фильмы. Когда кинопромышленники узнают, что все прогрессивные круги немецкого народа объединились в одно Кинематографическое общество, они поторопятся выпустить новые фильмы. Не захотят же они лишиться зрителей. Придется им призадуматься над тем, как удовлетворить вкусы и требования публики.

Чего мы требуем? Чтобы большинство народа, обладающее достаточно высоким интеллектуальным развитием, не пичкали по-детски слащавыми фильмами. Фильм не имеет права искажать ни историю, ни современность. Искусство не может быть фальшивым.

В Германии очень редко и мало говорят о киноискусстве, чаще заходит речь о кинопромышленности; разница заключается в том, что кинопромышленность отвечает за свою продукцию только перед своими акционерами; искусство же несет ответственность за выпущенные фильмы как перед своими современниками, так и перед самыми далекими потомками. Искусство должно воспитывать народ, не отвлекать его от насущных задач, научить его видеть и слышать. Искусство не продажно. Искусство, серьезно относящееся к своей миссии, стремится научить свой народ думать, мыслить, творить.

II

СОЗДАНИЕ ФИЛЬМА

Когда пропагандисты немецкой кинопромышленности хотят сказать писателям что-нибудь неприятное, они говорят, что мы хотим «олитературить» фильм. Но фильмы и без участия писателей слишком «литературны», хотя это их свойство и не бросается в глаза. При этом кинопромышленники не стараются донести до зрителя лучшие романы, напечатанные в журналах, лучшие новеллы, стоящие на полках книжных магазинов. Эти романы и новеллы обычно снабжены иллюстрациями,—заставьте эти иллюстрации двигаться, и вы получите обычный художественный фильм.

А знаменитые «боевики», полнометражные художественные фильмы, разве они создаются по внутреннему побуждению режиссеров, по законам киноискусства, а не на основе спорных с литературной точки зрения и зачастую вредных литературных представлений? К мыслям, которые хотят внедрить, к

убеждениям, которые хотят распространить, пристегивают содержание фильма.

Нам здесь показали «Последние дни Санкт-Петербурга». Я всей душой поверил в этот фильм, созданный без тенденции, без искусственного пристегивания. Как жаль, что это русский фильм, а не наш, немецкий. Подавленные величием колоссальных памятников, идут по Петербургу двое — два маленьких, несчастных человеческих существа. Это не надумано, а глубоко прочувствовано. И вот мы видим, как постепенно эти маленькие человеческие существа вырастают все больше и больше, как грандиозные статуи, символы власти, освященной традициями, отходят на задний план, а на передний выступают люди. Постановщик добился этого эффекта исключительно тем, что следовал истине и правдиво изображал человеческие мысли и переживания. Он дал волю своим чувствам, они привели его к цели. Ему не нужны были актеры ни рядовые, ни знаменитые. Он заставил играть народ или, вернее, воспроизвел кусок жизни и заставил людей снова пережить все, однажды уже пережитое. Естественно, что фильм получился правдивым. Чувствуется, что режиссер стоял у киноаппарата и ждал, пока покажется настоящее лицо того или иного персонажа, — только тогда он давал сигнал к съемке.

Я бы не знал всего этого, если бы не говорил с Пудовкиным, режиссером фильма, показанного Национальному кинематографическому обществу в Капитолии. Пудовкин «крутил» картину «Последние дни Санкт-Петербурга». Казалось бы, обыкновенный, ничем не замечательный фильм. Но мы увидели, что Пудовкин — поэт, посвященный в тайны человеческой души, мечтатель, претворяющий мечты в жизнь. Он показывает людей такими, какими они должны быть.

Люди никогда не думали, что они могут быть такими, не позволяли себе быть такими — сильными, исполненными больших и волнующих чувств. История сохранила нам имена таких людей, и не только рус-

ских. Но впечатление от русского фильма слишком сильно для нас. Он зовет к сопротивлению.

Исключительно правдивые, волнующие, независимые от всяких тенденций фильмы стали теперь достоянием русского народа, так же как независимая музыка Бетховена является достоянием немецкого народа. Большая заслуга русских кинорежиссеров состоит в том, что они сумели этого добиться. Каждый должен помнить, что он пережил, и должен научиться сохранить эти переживания для потомства, не обманывая ни себя, ни других. Нам гораздо важнее создавать пусть еще слабые, но правдивые немецкие фильмы, чем демонстрировать самые лучшие русские. Нужно правдиво изобразить современную немецкую жизнь, становление буржуазной республики, ее общественное и духовное развитие, ее положение на грани между прошлым, ставшим традицией, и будущим.

Нужно правдиво показать переживания и чувства большинства народа, не считаясь с тем, понравится ли это меньшинству.

Это не сложно. Для этого достаточно простой любви к истине. Не нужно никакой философии. У кого хватит совести изобразить с точки зрения меньшинства все то, что большинство народа пережило в определенный исторический период, все то, что еще так свежо в памяти. Нельзя навязать народу героев, которых он не уважает, чувства, которые ему чужды! Простая объективность не позволит это сделать. Легче всего приучить массы к халтуре, а потом утверждать, что они не поймут ничего лучшего.

В основном у нас экранизируют литературные произведения второго и третьего сорта. Это, конечно, тоже литература. Но не следует утверждать, что народу она ближе и понятнее, чем творения подлинных художников. Такие литературные произведения неполноценны. Используют же их для кино только потому, что неполноценная литература легче поддается социальной фальсификации. Исключение представляют некоторые фильмы, например «Ткачи».

Но почему кино должно ограничиваться литературными произведениями? Кинорежиссер может создать значительно лучший фильм на материале, взятом непосредственно из жизни, не прошедшем через литературу,— если, конечно, у него хватит способностей. У нас есть такие режиссеры. Они хотят изобразить нашу жизнь, самую ее сущность, живых людей в атмосфере их чувств. Дайте им возможность это сделать. Русские доказали, что это осуществимо.